

УДК 821.161.1.09"1917/1991":82.01

Н.А. БЕРЕЗКИН
(nberezkin1@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ И СПОСОБЫ ЕГО СОЗДАНИЯ В ПОВЕСТИ
В.С. МАКАНИНА «НА ПЕРВОМ ДЫХАНИИ»***

Рассматриваются особенности системы персонажей в повести В.С. Маканина «На первом дыхании», где в образе главного героя воссоздается портрет всего поколения «шестидесятников» минувшего столетия.

Ключевые слова: взаимосвязь «автор-герой», образ, портрет, пушкинская традиция, «шестидесятники».

В современной русской литературе Владимир Семенович Маканин приобрел особый статус: он один из немногих писателей, кому удалось связать «век нынешний и век минувший». Сказанное справедливо и по отношению к повести «На первом дыхании» (1976) [5], где главный герой становится выразителем общего настроения «шестидесятников» – поколения, к которому принадлежит и сам писатель, переживший надежды своей молодости и разочарование в них.

Об отношении автора к своему герою говорит само заглавие произведения, т. к. «заглавие – стянутая до объема двух-трех слов книга» [3]. Акцентируя лексическое значение слова «первый» как «первоначальный, начальный» [13, Т. 3, с. 44] и значение слова «дыхание» как «проявление чего-л., веяние, дуновение» [Там же, Т. 1, с. 459], В.С. Маканин создает представление о поре ранней молодости «портретируемого» героя. Не случайно прозаик включает в раму повести и эпиграф: «КОГДА ЛЕГКОВЕРЕН И МОЛОД Я БЫЛ», – отсылающий читателей к стихотворению А.С. Пушкина «Черная шаль» (1822) [11]. Важно уловить: стихотворение А.С. Пушкина пародирует романтические баллады В.А. Жуковского 1810-х годов: «Мщение» и «Алина и Альсим». А.С. Пушкин, отдавая предпочтение реалистической правде характеров в литературе, явно пародирует названные произведения В.А. Жуковского, рассказывая историю от лица обманутого мужчины с «хладной душой»: «С тех пор не целую прелестных очей, // С тех пор я не знаю веселых ночей. // Гляжу, как безумный, на черную шаль, // И хладную душу терзает печаль» [11].

Пародийный эффект, созданный А.С. Пушкиным, по-видимому, наложил отпечаток на повесть В. Маканина «На первом дыхании»: Олег – так зовут ее главного героя, только в молодости «дышал полной грудью», но время «оттепели», как говорится, «перекрыло кислород» так, что «шестидесятники» не только «не доделали», но и «не договорили свое» (В.С. Маканин). Олег, являясь «типичным представителем» своего поколения, с возрастом приобретает отчество Нестерович, охотно отзывается на свое новое, т. е. – полное имя, печально вздыхая о далекой молодости, которая уже не согревает «хладной души». Выбор автором имени персонажа тоже не случаен. Олег – мужское русское личное имя, ранее «заимствование из древнескандинавского языка (“Helgi” – святой, священный)» [10, с. 169]. Однако в данном случае интересна не столько этимология этого имени, сколько его представленность в общественном пространстве советского периода. Статистика по именам новорожденных в 1961 г. в нескольких регионах центральной России, подготовленная В.А. Никоновым, показывает, что «частотность имени Олег в областных центрах колебалась от 27% (в Костроме) и 29% (во Владимире) до 48% (в Пензе) и 56% (в Курске)» [8, с. 72]. Таким образом, следуя традициям реалистического письма, В.С. Маканин подтверждает: действительно, в 1960-е годы имя Олег было широко распространено, вот почему оно помогает художнику нарисовать собирательный портрет «шестидесятников» XX в. Оно увидело не только осуждение культа личности Сталина и репрессий 1930-х годов, освобождение политических заключенных, но и ослабление тоталитарной власти,

* Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

большую свободу творческой деятельности и др. Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС (1956 г.) и последовавшая за ним либерализация общественной жизни, известная как эпоха «оттепели», открыли период активной деятельности «шестидесятников», которую, спустя годы, В.С. Маканин оценивает с долей изрядной иронии. «Нам надо было не только говорить, но и договорить свое! – а мы, когда нас одергивали, когда подводили под разнос, деликатно отходили в сторонку... и замолкали надолго», – произносит Геннадий Павлович, герой более поздней повести В.С. Маканина «Один и одна» [6, с. 206], тоже посвященной «шестидесятикам», их стремительному недолгому взлету, распавшемуся единству и «угасанию».

У В.С. Маканина видна и внутренняя надежда героев на то, что придет время, когда вновь окажутся востребованными чистота помыслов, вдохновение борцов за всеобщее счастье, и их обязательно «позовут» (не случайно тот же Геннадий Павлович даже дома не снимает с себя костюм с галстуком, словно живет в постоянном ожидании такого «приглашения»). Для многих «шестидесятников» подобный случай представился в середине 80-х годов, с началом «перестройки». В начале повести В.С. Маканина «На первом дыхании» кажется, что этот вариант просматривается и в судьбе ее главного героя. «Молодой человек» Олег со временем получает отчество Нестерович: Нестер (стар.) – «вернувшийся», «благополучно вернувшийся домой» [7, с. 321]. Действительно, в первых эпизодах произведения – герой, поспешивший вернуться из городка Кукуевск, куда был направлен сразу после института и где работал строителем, в Москву с целью увидеть возлюбленную и поговорить с ней (она, как оказалось, вышла замуж). По прошествии времени, убедившись в том, что Галка, действительно, предпочла ему другого, Олег отправляется обратно, в степь. Таким образом, его судьба напоминает «бег по кругу», где нет и намека на «благополучное возвращение», есть попытка «убежать от себя», от обреченности своей судьбы: Москва – Кукуевск – Москва – Кукуевск.

Название «Кукуевск» в сознании большинства читателей ассоциируется с местами далекими, захолустными. В устной речи бытует выражение «сиди, кукуй в одиночестве», означающее, что человек безропотно доживает свой век, не испытывая сильных эмоций, не совершая активных действий. Это касается и Олега из повести «На первом дыхании»: он покидает Москву, т. к. понимает, что не нужен Гале. При этом никаких убийств и «черных шалей»: герой смиряется с неизбежностью своего одиночества, «выгорания» и старения. В рассматриваемом произведении само название Кукуевск приобретает драматические оттенки (не только как географическое название, но и как удел «шестидесятников»), отсылая читателей к Кукуевской железнодорожной катастрофе, которая произошла в деревне Кукуевка (сейчас в Черномском районе Тульской области России). В.А. Гиляровский так говорит об этом в своем сочинении «Москва газетная» (1934): «– Кукуевка, – ответили мне, и я телеграфировал о катастрофе под деревней Кукуевка. Отсюда и пошло: “Кукуевская катастрофа”, “Кукуевский овраг” и “Кукуевцы” – последнее об инженерах» [1, с. 111]. Кукуевская железнодорожная катастрофа – крушение почтового поезда, произошедшее в ночь с 29 на 30 июня 1882 г. Это невеселое событие, случившееся в местности со смешным названием, нашло отражение в таких произведениях русской литературы, как сатирическая книга очерков М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия» (1883 г.), один из непривлекательных персонажей которой «пил и закусывал <...> отчасти на счет пассажиров российских железных дорог, так что, быть может, принял косвенное участие и в кукуевской катастрофе...» [12, с. 127], рассказы А.П. Чехова 1880-х годов «Счастливчик» («Случись сейчас с нами кукуевская катастрофа, вы другое бы запели...» [14, с. 124]), «Темною ночью» («Миша, вспомни Кукуевку! – говорит жена...» [15, с. 25]) и других, где юмористическое начало соединяется с драматическим. «Кукуевский» хронотоп в повести В.С. Маканина «На первом дыхании», по-видимому, выявляет горькую иронию автора по поводу вдохновенной молодости своего поколения и «крушению» надежд от сознания своей дальнейшей невостребованности.

Имеет значение и то, что имя «Нестор» отсылает читателей к Нестору Летописцу, автору «Повести временных лет» и других рукописных памятников славянской культуры. Олег Нестерович в ана-

лизируемой повести В.С. Маканина – «летописец души» своего поколения. Повествование от первого лица подтверждает этот вывод.

У Олега не получается диалога с матерью. В этом, возможно, проявляются черты психологии всего поколения «шестидесятников»: «базаровской коллизии» в решении проблемы «отцов и детей» они предпочитали другое «родство», назвав себя «дети XX Съезда». Эти взрослые «дети», узнав суровую правду о судьбах своих собственных родителей, начали подвергать сомнению многое из того, чему верили предки, настороженно улавливая в их речах любую фальшивую ноту.

Вот Олег приезжает в Брянск, чтобы увидеться с дядей. В их разговоре внешняя речь главного героя практически не представлена, но понятно, что и с дядей разговор не заладился. Можно предположить, что в повести «На первом дыхании» русский писатель XX века решает общественно значимые вопросы, обращая читательский взгляд на роман И.А. Гончарова «Обыкновенная история» (1844–1847) и реконструируя беседу Адуева-старшего с Александром, молодым племянником, приехавшим из провинции в Петербург. Не исключено, что в признании Олега, героя повести «На первом дыхании»: «Я совсем не хотел выступать в роли честного парня, презирающего блага и деньги. Мне эта роль уже надоела» [5, с. 181], – звучит отсылка именно к героям И.А. Гончарова.

По В.С. Маканину, молодой герой каждого «времени» надеется победить свой «век» и его устоявшиеся традиции, но, не вооруженный системой устойчивых мировоззренческих ориентиров, склонный принимать за главную истину «протестные», а не «жизнетворческие» инициативы, неизбежно приходит к поре «рассеянных иллюзий».

Это сказывается и на жанровой «переключке» рассматриваемых произведений. Сочинение И.А. Гончарова представляет собой роман воспитания, повесть В.С. Маканина «На первом дыхании» также вбирает в себя его характерные черты. Перед читателями В.С. Маканина – путь не столько взросления, сколько «старения» героя – от Олега до Олега Нестеровича. «Перемены», происходящие с Олегом, имеют отрицательный потенциал: «воспитание» временем «застойных» лет, пришедших на смену «оттепели», приглушило былой энтузиазм стремительно постаревших «шестидесятников».

При рассмотрении композиционного строя этого произведения следует обратить внимание на то, что в текст повести включен отрывок (глава десятая), явно отличающийся по времени действия от основной сюжетной линии, связанной с историей Олега и Гали. Здесь представлены более поздние размышления героя о своей бурной молодости, а субъект речи (Олег), как в подобных случаях замечал В. Корман, меняется с «первичного» на «вторичный» [2]: Олег предстает как Олег Нестерович, «он». Выше говорилось о пародийности повести В.С. Маканина, подсказанной стихотворением А.С. Пушкина «Черная шаль», в десятой главе повести можно найти и другую параллель к творчеству Пушкина, причем – именно – к X главе «Евгения Онегина». Ю.М. Лотман в работе «Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий» отмечает, что «Пушкин был тот, кто говорит, а Онегин – тот, о ком говорят. В десятой главе Пушкин становится тем, о ком говорит некто» [4, с. 414]. У В.С. Маканина в главе десятой Олег Нестерович становится «третьим» лицом, которое может открыто сказать правду не только обо «всей сумме исторических условий» (Ю.М. Лотман) [4], прервавших «шестидесятнический» взлет, но и о непродолжительности «горения» молодых энтузиастов, готовых к протесту, но не к созиданию, среди которых был и сам автор, переживший искушение «легких побед» в деле радикального «усовершенствования» несовершенного мира.

Литература

1. Гиляровский В.А. Москва газетная. Друзья и встречи. М.: Директ-Медиа, 2014.
2. Корман В.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972.
3. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931.
4. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. 2-е изд. Л.: Просвещение: Ленингр. отд-ние, 1983.
5. Маканин В. На первом дыхании // Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1982. С. 141–242.
6. Маканин В.С. Один и одна. М.: Современник, 1988.

7. Медведев Ю.М. 10000 русских имен и фамилий. Энциклопедический словарь. М.: АСТ, 2009.
8. Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974.
9. Перевалова С.В. Юные герои Фазиля Искандера за уроками русской классики // Литература в школе. 2015. № 11. С. 18–20.
10. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. Около 2600 имен. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
11. Пушкин А.С. Черная шаль: Молдавская песня: («Гляжу как безумный на черную шаль...») // Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 2. С. 16–17.
12. Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия // Собрание сочинений: в 20 т. М.: Худ. лит., 1973. Т. 15.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
14. Чехов А.П. Счастливчик // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 5. С. 121–125.
15. Чехов А.П. Темною ночью // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 2. С. 24–25.

NIKOLAY BEREZKIN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**IMAGE OF THE MAIN CHARACTER AND WAYS OF HIS CREATION
IN THE STORY “IN THE FIRST BREATH” BY V.S. MAKANIN**

The article deals with the peculiarities of the characters system in the story “In the first breath” by V.S. Makanin where the image of the main character reconstructs the portrait of the whole generation of the “Sixties” of the past century.

Key words: interrelation of “author-character”, image, portrait, Pushkin’s tradition, “Sixties”.